

ХВАТИТ ИГРАТЬ В КЛАССИКИ

Томас Остермайер стал главным героем Авиньонского фестиваля

Слева направо: завлит Саши Вальц Йохен Зандиг, Саша Вальц, Томас Остермайер, завлит Томаса Остермайера Йенс Хиллие

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ АВИНЬОН

На Авиньонском театральном фестивале не принято раздавать наград, и этот принцип, унаследованный еще от времен главного фестивалестроителя Жана Вилара, представляется вполне разумным — какие, в самом деле, могут быть соревнования в искусстве? Но не бывает правил без исключений. Случай с Авиньоном-2004 оказался предельно прозрачным. Не требуется томительно долгих заседаний жюри, чтобы констатировать: золотым медалистом нынешнего Авиньонского фестиваля стал Томас Остермайер. Победу в командном первенстве без колебаний присудим сборной Германии.

Рассказывать любознательному русскому зрителю о том, что, дескать, живет в стране Германии такой режиссер Томас Остермайер, наши СМИ начали примерно с 1996 года. Именно в тот год 28-летний парень, едва учившись театральному ремеслу, произвел тихую революцию. Начал с того, что создал театр «Барак» на заброшенной фабрике, стоящей позади Немецкого театра в Берлине. Четырьмя годами позже Остермайер с компанией единомышленников возглавил именитейшую германскую труппу — берлинскую «Шаубюне». Примерно тогда же получил в Таормине высшую европейскую театральную премию «Новая реальность». Работает интенсивно, выпуская на-гора по три-четыре премьеры за сезон. Сейчас ему 36. Жизнь, как принято назидательно говорить, только начинается. В Европе он известен всем, кто всерьез интересуется театром. В России — ничего подобного. Здесь его знают лишь по дозволенным речам театральных шехерезад, прокатившихся до Европы, да по питерскому фестивалю «Балтийский дом», где гастролировал один из ран-

них остермайеровских спектаклей «Родня». Москва, которая обычно весьма оперативно знакомится со всеми новинками еврокультуры, здесь, как ни странно, числится среди отстающих. Исправлять двойку по предмету «Остермайер» будем в декабре, когда на фестиваль NET привезут наконец спектакль театра «Шаубюне» «Кукольный дом».

Нельзя сказать, что Ибсен относится к специалитетам режиссера Остермайера. На классическую драматургию он смотрит с некоторым подозрением, а свой приход в «Шаубюне» сопроводил программной ремаркой, весьма спокойно изложенной в каком-то интервью: «Мы чувствуем, что фаза, начавшаяся в 1970-х годах, в которой режиссеры часто пытались интерпретацией классики ответить на вопросы современности, себя исчерпала. Сегодня мы имеем дело с абсолютно новыми явлениями, которые не поддаются объяснению через классику». Собственно говоря, русские режиссеры новой волны делают похожие заявления (возьмите хоть Кирилла Серебренни-

ва, который сообщил интервьюеру: «Положение в классике считаю порочным и патологичным»), но есть манифесты и манифесты. Наши частенько стараются идти в ногу с модой, докатившейся из Европы, а Остермайер и есть тот самый парень, кто эту моду создал. Не один, конечно, но с единомышленниками, которых в этом году он и представил Авиньону.

Некоторые подозрения в конъюнктурности по отношению к нему отпали у меня сами собой после четырех увиденных в Авиньоне спектаклей Остермайера. В них не было заметно ни малейшего желания угнаться за новомодными рюшечками лишь по той причине, что их только вчера завезли в магазин. И хотя в основу двух постановок легли вольно переделанные классические произведения (ибсеновский «Кукольный дом» и бюхнеровский «Войцек», о котором Газета рассказывала в номере от 13.07.2004), а две другие пьесы написаны на злобу дня, все они смотрятся как единый спектакль с общими героями. Связь порой просматри-

вается даже на сюжетном уровне. Короткий моноспектакль «Концерт по заявкам» по сценарию Франца Ксавье Кроэца открыто продекларирован режиссером как эпилог к «Кукольному дому».

Исполнительница роли Норы Анн Тисмер за час сценического действия не вымолвит ни слова. И эта немота — не режиссерская прихоть. Все проще: героине «Концерта» попросту не с кем говорить. Ее пристанище — изолированная от мира квартира, куда поздно вечером возвращается с работы бесконечно уставшая и бесконечно одинокая женщина. Механические движения, заученная последовательность действий, повторяющихся изо дня в день. Почистить щеткой заляпанную грязью одежду, погреть на радиаторе ооченевшие руки, залезть в холодильник. Включить телевизор и остекленевшими глазами уставиться в ящик, откуда льется бессмысленная реклама. Перекусить, сесть за компьютер, точными движениями мышки расправиться с пасьянсом «Косынка». Прослушать концерт по заявкам радиослушате-

лей. Сходить в туалет, лечь спать. Через пару минут судорожно вскочить и проверить, закрыта ли входная дверь и выключен ли газ. Лечь. Встать. Достать снотворное и покончить с собой. Бытовой танец смерти, исполненный Анн Тисмер, решен холодно и безжалостно. Ни тебе надрыда, ни жирных подчеркиваний, ни малейшего давления на слезную железу, но зрительский взгляд за час не оторвется от сцены ни разу. Как оторваться, если в траектории этой женщины, колесящей по своей квартире, нет и намек на пунктир. Примерно в таком же неостановимом движении находится и ее золотая рыбка, запертая в тесном аквариуме.

Говоря о «Концерте по заявкам», нельзя не вспомнить «Аллею космонавтов», поставленную хореографом Сашей Вальц на сцене «Шаубюне» в конце 1990-х. Саша — самый важный единомышленник Остермайера, и вот уже четыре года они содиректорствуют в «Шаубюне». Герои «Аллеи космонавтов» жили точно в такой же стандартной квартире, как и женщина из «Концерта по заявкам». Совершая массу мелких бытовых движений, их одинокие тела в какой-то момент обретали невесомость и свободно парили по квартире. Вслед за Пиной Бауш Саша могла бы повторить: «Мне не интересно, как движутся тела, мне важно, что ими движет». И если Вальц в своих опытах идет от contemporary dance к драматическому театру, то Остермайер, словно строитель БАМа, пробуривает огромные подземные пласты, двигаясь ей навстречу. Их смычка неизбежна.

Самым важным для себя человеком в театре Остермайер считает нашего соотечественника Геннадия Богданова, обучившего его в Берлинской театральной школе основам биомеханики Мейерхольда. Богданов утверждает, что «биомеханика, как любая многоплановая система, формирует не только технический аппарат актера, но и его личность». Остермайер может считать себя хорошим учеником: «Концерт по заявкам» — это образцово выполненное упражнение по биомеханике. В России сейчас нет, пожалуй, человека, который мог бы так чисто и ненавязчиво справиться с подобным заданием.

Еще один авиньонский спектакль, решенный как продолжительный пластический этюд, целиком основанный на биомеханике, — «Дискошвины» по пьесе Энды Уолш. Тот же лаконичный часовой формат, два актера и барабашки. У театрального критика из России взгляд на сцену вызывает жгучую зависть. Завидуешь простым вещам — черт побери, до чего же потрясающая физическая форма у этих актеров. Поди сыщи таких двоих у нас. Свиную и Блохе по семнадцать лет,

и свою жизнь они обратили в дискотеку нон-стоп. Совершая ряд судорожных движений, не дают отдыха ни рукам, ни ногам. Нечто вроде шаманского ритуала, род медитации для тайных членов секты трясун. Тебе стоит лишь на миг остановиться — и сразу уподобишься мерзким, самодовольным, недвижным тушам родителей: а в мире нет никого, кого эти «дискошвины» ненавидели бы больше, чем своих свинячих родителей. Гремят ударные, судорожно глотается водка, так же судорожно наносятся жестокие удары по всем, кто стоит на их пути, препятствуя вечному движению... В финале, как и следовало ожидать, резкий толчок и экстренное торможение. Войдя в раж, Свин совершит убийство, и мертвое тело резко остановит весь свиноэкстаз.

Тем, кто знаком с классической пьесой Ибсена, трудно это себе вообразить, но «Кукольный дом» насколько не выламывается из общей логики творчества Остермайера. То же замкнутое опустелее пространство, что в «Концерте по заявкам», но размером побольше. Тот же аквариум, но роскошный, буржуазный, во всю ширь гостиной. Столь же виртуозная и вместе с тем предельно простая пластическая партитура. Свины, сытые и самодовольные, заполонили всю гостиную богатого дома. По дому бегают дети, они веселы и счастливы, у них много дорогих игрушек. У директора банка — тоже. У него есть ноутбук, цифровая фотокамера, красивые рыбки. И красавица-жена. Анн Тисмер, сыгравшей Нору, в ряде прозаичных движений удается каким-то чудом передать пластику куклы Барби, выполненной в соответствии со всеми хайтековскими технологиями.

Сначала кукла исправно движется по гостиной и выполняет все, что предписано хозяйке светского салона. Но затем в кукле что-то ломается, и тогда настает черед знаменитой ибсеновской сцены тарантеллы. Вместо тарантеллы Нора, разумеется, исполняет какой-то современный танец, а роль рождественского маскарадного костюма здесь исполняет окровавленный наряд расхитительницы гробниц Лары Крофт. Не дотянув до отпущенного ей гарантийного срока, кукла, совершив ряд конвульсивных движений, ломается и плюхается в аквариум. Ошалевшие от испуга рыбы едва успеют прийти в себя, как Остермайер снова очень сильно их напугает. Отказавшись от уныло-оптимистического хеппи-энда, предусмотренного в ибсеновской пьесе, режиссер даст Норе парабеллум. Повертев дуло во всех направлениях, она обратит его сначала на себя, но затем передумает и выстрелит в мужа. К рыбам его, к рыбам.

Спектакль Томаса Остермайера «Кукольный дом» приедет на гастроли в Москву уже в декабре